

ГЛАВА I

Анну разбудил звук шагов в коридоре.
— Папа?

Незачем спрашивать: папины шаги она узнает и во сне.

— Да-да, спи, детка, прости, что потревожил.

— Я уже совсем проснулась. — Не вполне правда, конечно, — так, просто вежливые слова.

На сей раз ответа не последовало.

Анна спала за занавеской в алькове, оттуда хорошо были слышны папины шаги — он спустился по лестнице.

Девочка устроилась поудобнее, готовясь снова заснуть, но внезапно сообразила — а вдруг удастся немножко побыть вдвоём с папой, ей этого ужасно не хватает. Сколько она себя помнит, случись что действительно серьёзное, с чем самой не справиться, папа всегда придёт на помощь. Отец с дочкой — настоящие друзья, он всё понимает с полуслова, ему не надо дожидаться, пока Анна закончит рассказ. А сейчас сложности тут как тут. Занятия

в школе начнутся во вторник. Вдруг папе придёт в голову какая-нибудь идея? Ясное дело, пора уже перестать трусить, но так трудно поверить, что бояться нечего. Не в пример другим, папа никогда над ней не смеётся, в нём сомневаться не приходится.

Впрочем, правда ли это? Папа страшно изменился в последнее время. У него совсем нет времени выслушивать дочку, свою любимицу.

— Папин хвостик, — бывало, дразнится старший брат Руди. Он придумал немало обидных прозвищ — Неуклюжая Анна, Балда, Зануда, Дурында и, конечно, Младенчик: она же младшая в семье. Обидно и унизительно, а Руди только того и надо. Нередко девочке казалось: «Я и впрямь неуклюжая и глупая, Руди ведь лучше знать». Однако зваться папиным хвостиком — тут возражений нет. Сколько бы брат ни обзывался, Анна только улыбается тишком: правда — она и есть правда.

По крайней мере, так было раньше. Но теперь...

— Правда — она и есть правда, — сердито повторила девочка. — Просто папа слишком уж беспокоится о политике. Надо спуститься вниз, пока не появился мальчишка-газетчик.

И прежде чем сесть в постели, она потянулась за очками, нацепила их на нос. Мир вокруг, такой размытый и призрачный, в ту же минуту принял чёткие очертания, стоило только взглянуть на него

сквозь толстые стёкла очков. Сразу стали видны розоватые выцветшие полосы на обоях, разноцветные квадраты вязаного покрывала, табуретка, где корешком вверх пристроилась библиотечная книжка, раскрытая на нужной странице. Очертания комода в ногах кровати и высокого узкого шкафа с платьями уже немного расплылись.

Анна носила очки без малого пять лет, но всё не переставала удивляться — как она раньше без них жила? Теперь все дни начинаются одинаково — с утра очки на нос и не снимать весь день, только если надо протереть, и так до самого вечера. Даже ночью очки должны быть под рукой.

Но нет, теперь не время думать об очках!

Девочка вскочила с постели, нащупала ногами тапочки и тут услышала какой-то звук.

— Ну пожалуйста, пусть мне показалось, — взмолилась она. — Пожалуйста, только не это...

Молитва не помогла. Снова то же скрежетание, теперь отчётливое, и ясные, такие до боли знакомые потрескивания и щелчки. Помехи! Папа уже включил приёмник. Опять не успела с ним поговорить!

Анна забралась обратно в постель, взбила подушку, поудобнее прислонилась к ней спиной,

натянула простыню до колен и уставилась в пространство. Нет-нет, дочка глядела на папу, хотя тот её видеть не мог. Она и так знала, что происходит в гостиной. Одно и то же повторялось сотни раз. Отец сидит в потёртом, засаленном кресле, голова склонилась над большим коротковолновым приёмником, купленным год назад; отвернувшись от всех и вся, он слушает последние известия.

Удивительное дело: папа купил подарок самому себе, недоумевали дети, когда отец принёс радио домой. Папа никогда и ничего не покупал для себя, если только мама не заставит. А приёмник к тому же стоит недёшево.

— Депрессия уже кончилась? — выпалил Фриц, уставившись на радио.

6

Все понимали, почему мальчик об этом спросил. Уже несколько лет семья переживала тяжёлые времена. Еды в доме, в общем, хватало, но добавка случалась нечасто. Ни на что, кроме самых необходимых вещей, денег не оставалось. Когда Анне было десять, ей ужасно хотелось красивую куклу на Рождество. Она всё канючила и канючила, пока мама крепко-накрепко не запретила мучить отца своими мольбами — на такое баловство в доме денег нет. А тут папа принёс огромный сверкающий приёмник!

— Нет, депрессия ещё не кончилась, — папа расчищал почётное место для нового приобретения. — Но уже скоро.

— А когда? — приставал Фриц.

— Как война начнётся, — спокойно, совершенно обыденным тоном ответил папа.

Будто знает — войны не избежать, опять подумалось девочке, и холодок страха пробежал по спине, словно вернулся тот вечер, когда папа принёс радио. Но пока по-прежнему царит депрессия, а Канада в войне ещё не участвует.

Конечно, где-то там, в Европе, уже сражаются. Несколько месяцев подряд войну показывают в кинотеатре, в новостях перед фильмами. Адольф Гитлер с экрана выкрикивает призывы к ревущей от восторга толпе, а немецкие войска маршируют и салютуют ему, теперь все знают это приветствие — «Хайль Гитлер!». Немцы даже двинулись через границу и оккупировали соседние страны.

Сидя в тёмном кинотеатре и глядя на мелькающие чёрно-белые картинки, Анна никак не могла поверить — неужели между ней и этими людьми есть что-то общее, а ведь их семья переехала из Германии в Канаду только пять лет назад. Девочка смутно помнила времена, когда весь мир ограничивался Франкфуртом и вокруг разговаривали только по-немецки. Теперь их жизнью стал Торонто, и сама она говорила, думала и даже сны видела по-английски. Истерические выкрики немецкой толпы, запечатлённые кинокамерой, оставались для неё такой же загадкой, как и для всех остальных в зрительном зале. По папиному

утверждению, фашистское безумие грозило затопить весь мир, но мама только посмеивалась над подобными предсказаниями. Анна не знала, кому верить. Если бы мама пошла в кино и сама всё увидела, то тоже бы, наверно, испугалась. Тем не менее война была где-то там, далеко, на той стороне огромного океана. Но позавчера немецкие солдаты вторглись в Польшу. Для Анны это означало только одно — отец слишком занят политикой, чтобы обращать внимание на её, младшей дочки, папиного хвостика, сложности. А завтра первый день нового учебного года — она идёт в старшие классы и до смерти перепугана.

Неужели он забыл? Девочке казалось, будто папа её предал — первый раз в жизни. И при том, честное слово, отец не знает ни одной живой души в этой самой Польше!

Внизу пробили часы. Анна сосчитала удары. Только шесть часов! Папа с ума сошёл, наверно.

Она зевнула. Слишком рано, вставать ещё не пора. Голова сама собой сползла на подушку. Надо поспать, раз уж не удалось побыть с папой.

Что случилось? Кто так страшно кричит?

— Клара, Клара, пойди сюда!

Девочка ничего не могла понять, а папа продолжал звать снизу:

— Руди! Анна, разбуди Руди! Позови всех! Быстро! Ты меня слышишь?

— Да, папа.

Выскочив из кровати, Анна бросилась, но не будить остальных, а взглянуть на папу, стоящего внизу, около лестницы. Но отец уже вернулся в комнату. Девочка услышала слабый, отдалённый голос. Не папин. Голос настоящего британца. Испуганная, она с трудом различала слова: «...Боже, благослови нас и помоги правым в борьбе».

Папа оказался в дверях гостиной. Анна, едва начав спускаться по лестнице, замерла, уставившись на отца. В чём дело? Он такой ужасно старый, старый и больной. И совсем незнакомый.

— Началось! Британия объявила войну Германии*, — произнёс Эрнст Зольтен.

Выходит, папа прав. Пока он предупреждал, что скоро будет война, мама сердилась и повторяла: «Прекрати болтать глупости». А папа, оказывается, был прав. На мгновение Анна даже обрадовалась — смысл папиных слов ещё не дошёл до сознания, — значит, глупости говорила мама, а отец, как всегда, всё понимал правильно.

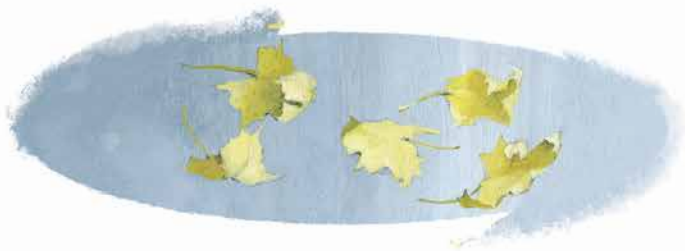
Но тут солнечный луч осветил папино лицо, и даже слабое зрение не помешало Анне разглядеть слёзы на его щеках.

Девочка стремглав понеслась вверх по лестнице.

---

* Великобритания и Франция объявили войну фашистской Германии 3 сентября 1939 года, после того как Германия вторглась в Польшу.

ГЛАВА II

— Руди, — заорала она, распахнув дверь в спальню братьев. — Руди, проснись! Проснись!

Фриц немедленно выскочил из постели, но Руди никак не мог открыть глаза.

— Что такое? — вяло, хриплым со сна голосом спросил мальчик.

У Анны даже страх прошёл на минуту.

Вот это счастье — раз в жизни узнать важную новость раньше старшего брата!

— Началась война! — объявила девочка. Ей казалось, она на сцене — играет посланца, который произносит одну-единственную, зато самую значительную фразу. — Папа велел спуститься вниз. Поторапливайтесь!

Теперь дальше по коридору — будить сестёр. От обрушившихся на них известий старшие девочки испугались и растерялись. «Здорово, — снова подумала Анна, — я всё узнала самая первая».

— Поторапливайтесь, — повторила Анна: ей